

Сергей АЛИХАНОВ

**БИЛЬЯРД
ЧУЖИХ
НЕ ЛЮБИТ**

Повесть

В последних классах я ходил в школу в перелицованном полупальто. Выглядело оно как новенькое: мать распоролла по швам, вывернула полупальто наизнанку и заново прошила.

В те годы такой вид работ производился в любой пошивочной мастерской.

Время, как оказалось, тоже выворачивается наизнанку и перелицовывается из частей и лоскутков прошлого само собой.

* * *

Едва наступают теплые деньки, как у Устрицы-маркера наготове беспроигрышная маза — кто дальше кинет камень. Начинает Устрица с подходящим человечком разговор — то да се, потом выходит с ним из бильярдной на солнышко, камешек с земли подбирает и подбрасывает. Устрица — парень щуплый, жилистый и невысокий, хотя и бывший копьеметатель. А против него всегда какой-нибудь амбал оказывается, который не сечет, то есть абсолютно не в курсах, что любой разговор в бильярдной как раз и есть сводка. А до этого, как обычно, просадил этот амбал в шаровне сороковник, а то и катю, и за этот грошовый засад готов теперь любого с потрохами сожрать. Устрице такого фраера втравить в перекидку — раз плюнуть.

Как-то раз в мае, аккурат между праздниками, народ гуляет, пьет, а до шаровни все никак дойти не может. Два стола у Устрицы свободны, а играющих нет. Выполз маркер из бильярдной на солнышко и стал для разминки кидаться камнями в ближайшую урну — бах-та-ра-рах! — шуму много, а толку мало. А тут Край мимо идет, эскимо, которое у метро ку-

пил, дожрал и палочкой вместе с приплюснутой влажной оберткой — тяжеленькой такой вещицей — метров с шести в эту самую урну кинул и — надо же! — прямо внутрь попал. Все-таки не зря Край, до того как к бильярду пристрастился, занимался баскетболом.

Устрица ему и говорит:

— Красавец! А слабо тебе вот туда попасть! — и не мешкая, зафитил камнем в урну, которая подальше стоит, у ворот пожарной команды.

А Край второй год в Академии валандается и возомнил о себе, что он из фраеров уже стал выбиваться в исполнители. Не знал еще Край, что Устрица таких, как он, пассажиров тут как раз и поджидает.

Пожарникам, которые со скуки у чугунных ворот дежурят, только и радости, что поглазеть на очередное представление. Облепили солобоны ворота, держатся за чугунную решетку, как обезьяны в зоопарке, и ухмыляются.

— Пробуй, — повторил Устрица, — попади в ту урну с трех попыток.

На самом-то деле Устрица не на точность, а на дальность бросков силен. Первую же мазу ему надо проиграть, чтобы куш поднять.

— Давай, кто из пяти раз больше попадет в ту урну, с того пять рублей, — тут же предложил мазу Край.

Стали кидаться, и два раза подряд проиграл Устрица, отдал Краю десяточку и предложил:

— А теперь, — говорит, — давай по полсотне, но на дальность — кто дальше камень кинет.

— А как же мы определим, кто победил и чей куш, если я тебя всего на полметра переброшу? Не пойдем же мы на ту сторону Садового кольца щербинки да отметинки на асфальте отыскивать? Тут кляуза выйдет, а не маза! — вроде бы не соглашается Край, а сам думает: «Ну, тут уж конец пришел твоим бабкам! Попался ты ко мне в лапы, по столынику за бросок выверну тебя наизнанку!»

А Устрица, вроде от духоты бильярдной, совсем ума лишился и давит на благородство:

— Если ты сам не признаешь, что я дальше тебя кинул камень, значит, я проиграл. Давай бросай!

Край решил, что деньги сами плывут к нему в руки — тут не точку у шара выцеливать, где против Устрицы — как он уже допетрил — у него шансов нет. А кидаться камнями в белый свет — дело нехитрое.

— Раз ты сам напросился, значит, получай. По чирику или сразу по пятьдесят рублей?

— Давай — по полтиннику наживай! — Устрица подмигнул пожарникам, которые хари свои между решеток просунули и заржали.

Край поднял камень, потом другой, чтобы вложиться было сподручнее, покачал его в ладони — камень не тяжелый и не легкий, в самый раз. Отошел к воротам и, в предвкушении легких бабок, разбежался — пыль из-под подметок! — размахнулся, изогнулся и изо всей дурацкой мочи

и выпулил камень длинной рукой.

И полетел, повистел камень, как из пращи, перелетел через все Садовое кольцо, которое тут, возле шаровни, в десять автомобильных рядов, шесть из которых, с широкой разделительной полосой, уходят в туннель, и по два ряда еще с каждой стороны туннеля. И перелетел камень через высокий тополь на той стороне кольца, и ударился прямо в окно пятого этажа — конец пришел оконному стеклу, но все равно никто из жильцов не догадается, что стекло им разбили с другой стороны кольца, — будут теперь хулиганов искать у себя под окнами.

— Молодец! Не ожидал от тебя! — ухмыльнулся Устрица.

— Теперь руку можешь поберечь, камнями не кидаться, и мне полтинничек сразу отдать! — победительно сказал Край.

— Сейчас получишь! — Устрица сделал три шага и ловким, без видимого усилия броском зашвырнул камень на крышу стоящего напротив высокого здания сталинской постройки, в котором Край только что стекло разбил.

Проследив полет глазами, Край услышал дальний щелчок камня по жести крыши. Потом молча отдал полтинник, в котором была и выигранная им только что десятка. Повернулся и пошел назад к метро — на игру в бильярд денег уже не осталось.

Потом у Сильвы узнал Край, что Устрица тут, возле пожарки, такими, как он, фраерами кормится.

* * *

Возле самой Академии мороз окончательно пробрал Чуму до костей.

«Вроде притерпелся, и ничего было. А тут пройти осталось метров семьдесят — и надо же! — шагу ступить не могу, зуб на зуб не попадает. Видать, еще градусов на семь похолодало», — забормотал про себя Чума, и его всего передернуло. Засунул руки поглубже в карманы, натянул потуже и прижал полы куртки к спине, собрался с духом и заковылял к Академии. Уже на последних шагах Чума утвердился: «С первых же выкатанных бабок куплю себе пальто!» Но тут же поскользнулся Чума на грязном льду, чуть было не упал, и сразу передумал: «Нет! Не дам себе такого послабления! Надо одежонку выкатать, а не тратить бабки на ерун-

Турнир сильнейших бильярдистов СССР. Москва, 1976 г.

Турнир сильнейших бильярдистов СССР. Москва, 1977 г.

из дверей бильярдной, лед таял и опять намерзал — слой за слоем. Чума наклонил голову, чтобы тут не грохнуться, но шага не убыстрил: «Не приведи господи, упаду на больную руку — точно с голоду подохну. Весна на носу, только бы до тепла дотянуть...».

Когда он был уже у самых ступенек, в клубах пара из шаровни на мороз в одних сорочках выскочили Пионер со Слоном, и в темноте худенького Чума не заметили. Чума остановился, замер от них всего метрах в трех. Снаружи игроки рассчитались (чтобы в бильярдной налик не светить), и Пионер хотел было обратно в тепло шмыгнуть, но Слон придержал его за плечо и что-то шепнул ему на ухо.

Пионер глянул на Слона, покумекал малость, кивнул, и партнеры тут же вернулись в спасительное тепло. Слон даже бабки выигранные не пересчитал — сунул их прямо в карман.

Чума, напрочь забыв об осторожности, тут же следом сбежал по обледеневшей лестнице и нырнул в закрывающуюся дверь. В родном шуме шаровни сделал несколько торопливых шагов, дернул Слона за рукав и для проверки в долю к нему попросился.

— Слышь, — говорит, — иду к тебе в долишку десять копеек.

— Я сам за пятьдесят играю, — отказался по запарке Слон и тут же поменял мнение: — Ладно, — говорит, — идешь со мной в пополаме в моей доле на эту партию.

— В пополаме слишком круто, без меня наживай. — Из-за перебивки Чума имел полное право отказаться от своего же предложения. В долевай мазе, по понятию, можно выделиться после любой партии. Слон предложил ему 50%, а не 10%, как просил Чума, вот он и соскочил, не вступая в игру.

И тут, словно в озарении, всей своей промерзшей шкурой почувствовал Чума махровую подлянку. Если бы Слон сразу согласился взять его

ду. Как только у Холодильника налик вышибу, пусть ушанку на кон ставит, а потом и тулуп с приветом из Тынды! Только бы запутать Холодильника в отъемную игру».

Покатая дорожка перед самой бильярдной покрыта наледью с соляными разводьями, вмерзшими окурками. От тепла, выходящего

в долю, он тут же бы попал прямо с мороза и за всю масть. Но у Слона первым делом жадность сыграла, потом только весь текущий расклад в тупой башке нарисовался. Слон — человек хитрющий, но по расчетам заторможенный. «Сейчас Слон сольет партию — как они снаружи только что договорились об этом! — понял Чума. — Только бы они с Пионером снова не перешептались! Надо проследить! С кулака даром раскручусь!»

Как был в куртке, Чума поспешил к девятому центральному столу, на котором все серьезные игры ведутся, а сейчас катали Пионер со Слоном.

Мазильщики, словно мухи, в несколько рядов облепили зеленый стол. Те, которые в первом ряду сидят, при каждом ударе отклоняются, а когда биток прямо возле мазильщика подкатывается к борту, тот сразу встает, придерживая свой стул, и заходит за него назад, чтобы не мешать игроку выцеливать шар и свободно размахивать от локтя кием. После удара мазильщик тут же опять садится на стул.

С самого утра старики занимают эти наживные места вокруг девятого стола, и потом весь день их оттуда пушкой не сгонишь. А за ними плотной стеной стоят и Грек, и Сильва, и Мурадян, и братья Кролики, и Лисичка с Барбосом, дядя Федя, Толик Дохлый — весь цвет Академии к игре прилип: толпой грузят Пионера, который, видать, крепко плывет, но за себя отвечает всей бильярдной.

Сашка Борода!

— Здорово! — Чума протянул легендарному блатарю пятерню и удивился: «Неужели он срок очередной уже отмотал — вроде года еще не прошло. Впрочем, нет — три года, как не было видно Бороды в Академии. Вот время в шаровне быстро летит — как шар от клапштоса!»

Пионер треугольником шевелит, выравнивает пирамиду, минуту тянет и мазы от вольного со стороны принимает — против всей бильярдной ставит, а ставки одна другой круче. Видно, что даром он предыдущую партию засадил.

— Катя, иначе нет мазы, — говорит он Лисичке, тот тут же кивает: согласен — значит, пошла маза.

— Со мной по три кати! — предложил Затраченный.

— И с тобой пошел! — тут же отозвался Пионер.

— Со мной удвоили? — Сильва тут как тут.

— И с тобой идет! — отвечает Пионер. — Сейчас всё нажитое даром спалю! А дальше — еще больше вам раздам, — с понтом ставит мазы Пионер.

«Левую скатают! Только бы успеть!» — утвердился Чума и спросил у Сильвы:

— Какая фора?

— Слон дает десять, и пять со стола.

— Спалить, что ли, тебе полтинник?.. — вроде как в раздумье пробормотал Чума.

Все в бильярдной видели, что Чума только что с мороза пришел и поэтому не в курсах, что Пионер плывет, лыка со вчерашнего перепоею не вяжет, шары из луз вышибает. Тут же и Затраченный, и Кролик, и Обормот, да и все те, кто по три рубля ставят, все это старичье, наперебой стали предлагать Чуме мазы.

А Чума краем глаза все за Пионером следит — как бы всю эту поганку против него, против Чумы, не замутили.

И тут Ленька-Рыжий показал Пионеру пятерню, и тот кивнул! Целый пятачник Пионер за себя ответил! Значит, дело чистое! Чума заторопился: еще пирамиду не разбил Слон, а Чума уже со всей бильярдной мазы понаставил, поочередно встречаясь глазами с каждым мазильщиком и подтверждая кивком каждую мазу:

— Пошло по десятке, по чирику! И с тобой пошло! И с тобой! Пионер — мой, я за Пионера!

Прикинул про себя Чума: «Восемь сотен намазал я со всей бильярдной — и это на пустой карман! А если случайно выиграет эту левую партию Слон — чего только в шаровне не случается! И тогда придется ему наружу в туалет срочно бежать, а оттуда напрямиком в метро, и снова у «Березки» чеки ломать, отбиваться, и потихоньку долги в Академию передавать, а здесь не засвечиваться».

— Мой Слон, — предупредил Сильва.

— Ясное дело, Пионер — мой. Идет и с тобой по полтиннику! Сильва тут же отметочку сделал в блокноте — ничего не упустит Сильва, каждую мазу и галочкой, и циферкой отмечает, потому зимой в калошах на босу ногу и ходит.

— Ты за кого? — спросил у Чумы Эмиль, оторвавшись от игры. Сам Эмиль грузит лоха на восьмом столе, но поляну сечет.

— За Пионера. Пошли по сотенке! — предложил Чума.

— Видишь, я занят, — показал Эмиль кием на своего партнера. — Растим молодежь.

— Ладно, как надумаешь — подходи.

Греку тоже предложил мазишку Чума, а Грек ему говорит, что решил на этот раз против собственного мнения поставить. То есть Грек за Пионера, да еще как за Пионера!

И тут Грек показал Мурадяну три пальца, а другой рукой указал на Пионера. Вся бильярдная это видела! Каждый палец с Мурадяном — это косарь, шукарик!

С Мурадяном шутики плохи, он человек серьезный.

И Мурадян — кивнул!

Три косаря поставил Грек на эту партию — вот так номер!

— А со мной не хочешь поставить? — Александр Аронович тоже решил сбоку пристроиться.

— А вы за кого, Александр Аронович? — уточнил Чума у зубного техника.

— За Слона, конечно.

— И с вами идет по две кати! — Чума помазал и вдруг подумал: «*Нырять — так уж на самое дно!*»

И точно угадал Чума! Внаглую Слон слил партию! Пионер подходящего шара выкатывает, и Слон вроде в лузу бьет, ан чуть мимо, шар попадает в губки — поди докажи, что нарочно промазал. А после Слоновьего промаха под удар Пионера шар к самой лузе подкатывается, над дыркой ножки свесит — тут уж слепой не промахнется. Пионер хоть и с бодуна, но кий в руках держит крепко. Да и бодун вроде стал его отпускать. Слон для верности еще и пятака дал, а у Пионера тут же четырнадцатый шар дуэтом в угол упал. Десять минут не прошло — Чума в полном порядке. «Как с неба бабки свалились!» — ликует катала.

И пошел Чума по кругу получать выигранное. Все мазильщики, которые бились с ним об заклад, сами протягивали ему в ладони — кто чирик, кто пятерку, а кто и целый четвертак. Чума принимал деньги, не засвечивая — прямо клал в карман. Да и кто осмелится его — Чуму! — кинуть или обмануть? Тут не у пронькиных.

— Левые дела, я так и знал, — повернувшись к девятому столу, сказал Эмиль и опять зашмальцевал кием у восьмого.

А кий у Эмиля особенный, собственного изготовления — из трех продольных кусков, без поперечных запилов. Кий по виду простенький донельзя, а на самом деле второго такого не сыщешь — Эмиль его сам сделал.

— Ни с кем дальше не иду! Обогреюсь чуток, в себя приду! — на всю шаровню объявил Чума.

— Теперь есть на что и обогреться — скатили меня, подонки! — со злобой сказал, отдавая ему сотню, Мурадян. Грек тут же подошел к Мурадян, взял его под локоть и повел в сторонку. От жадности кладовщик Мурадян всегда ставит больше всех и круче всех засаживает и попадает. Придется ему теперь еще вагон-другой апельсинов налево списывать.

— Поздно спохватился, — злорадствует Грек.

— Дальше идешь? — спросил недовольно Алексей Аронович, втихоря сунул Чуме проигранный куш и шепотом заматерился: «Опять блевотину схавал, старый баран!»

— Теперь я за Слона! Мой — Слон! — ответил Чума.

Зубной техник отмахнулся — ясное дело, что дальше у Пионера со Слоном игра пойдет по бою, а у Слона явное преимущество.

Пионер окончательно протрезвел, и теперь они со Слоном разыграют полученные со всей бильярдной бабки. Если уж Чума с бухты-барахты за одну только партию почти штуку намазал, то сам Пионер ограбастал на пол-«Жигуля»! Не говоря уже о Греке, который, получив три косаря, сразу куда-то подевался. Похоже, всю шаровню готовили под этот слив. Удачно он подсуетился!

Мазильщики после наглого скатывания стали отсаживаться от девятого стола и к третьему столу потянулись. Каждый на своем стуле — не

отрывая зада, потихонечку — скреб-скреб-скреб — шевеля ботинками, переставляя ножки стульев по заплыванному паркету, — словно гусеницы, стали перемещаться. На третьем столе сам Устрица, не бросая своих маркерских обязанностей, на скорую руку заклеил в отъемную игру — в последнем шаре — какого-то фраера.

По сводке Устрица играет одной рукой, целится стоя, не пригибаясь, при ударе кий у него лежит на борту. Фраер же играет, как обычно, двумя руками и поэтому твердо убежден, что имеет огромное преимущество, сейчас денег наживет, и со стороны смело всем отвечает. Не допетрил еще паренек, что в Академии ничего выиграть нельзя, особенно у Устрицы. Собственно, только этому здесь и учат, и за это нехитрое знание приходится платить.

Чума оглядел всю поляну — больше игры интересной нет — и пошел к гардеробу, куртку сдать, а к третьему столу он еще успеет пристроиться. Все деньги и ключи от своей однушки переложил Чума в карманы брюк, и тут Сильва к нему подскочил:

— На, держи! — и в открытую отслюнил ему десятками проигранный полтинник.

«Вот гад! Хочет, чтобы азартные игры мне припаяли! Точно ребята говорят: Сильва на контору работает! Получишь еще у меня оборотку!» — расвирепел Чума и, молча негодуя, не стал говорить: мол, спасибо тебе, что должок вернул, — эти рассказы тут не канают. Но на этот раз пронесло.

Подходя к гардеробу, вязаное кашне Чума засунул в рукав куртки и посмотрел в прямоугольный проем дощатой стены. Гардеробщицы не было.

«Пальто! Вон тут их сколько! Теперь любое я могу себе купить. Но уже весна через недельку-другую. Дотерплю-ка я лучше в куртке до тепла», — решил Чума и пощупал в боковом кармане брюк скомканные деньги. Потом ещё разок перепроверил, все ли он вынул из куртки, и вслух произнес:

— В натуре весна!

И тут Хлястик, в смысле сам Налим, его окликнул. Катала даже не понял сперва, откуда раздался знакомый голос:

— Чума! Леший тебя раздери! Иди сюда! Прими пять капель на грудь!

Катала пригнулся и увидел в проеме гардероба между двух пальто физиономию Налима, который сердито, сдвинув брови, глядел на него. Вон, оказывается, где они заседают — за вешалками устроились, в дальнем углу, да и гардеробщица там, возле них.

* * *

Край несколько часов играл с Эмилом на восьмом столе, ни одной партии не выиграл, хотя в некоторых вел и оставалось ему забить в лузу

всего-то один шар. Ему казалось: чуть-чуть везения, точный удар или хотя бы дурак упал, и он победит! Но в решающий момент Эмиль клал через весь стол несколько шаров, и так выиграл девять партий подряд — по пять рублей каждая. Из сорока пяти проигранных рублей Край отдал Эмилю двадцать, потом нагнулся и застегнул молнии на зимних ботинках. Эмиль засунул два чирика в карман брюк и спросил:

— А четвертак?

— Из налички ты меня выбил. Двадцать пять рублей за мной будут.

— На фу-фу играл. Ты, парень, плохие шутки шутишь. Когда должок отдашь, блин? — уточнил Эмиль.

— В конце месяца, — пообещал Край.

— Какого? Впереди месяцев много.

— Этого.

— Ну смотри. В конце месяца не отдашь — будешь иметь бледный вид! — пригрозил Эмиль и продолжил, но уже без угрозы в голосе, а только чтобы поглубже втравить дармового партнера в игру: — Ладно. Покажу тебе, в чем суть нашего благородного дела!

Эмиль взял два шара и прямо на столе стал их закручивать. Один шар левой кистью Эмиль вращал по часовой стрелке, а другой шар — правой кистью — наоборот, против часовой стрелки. Эмиль сталкивал шары друг с другом — они отскакивали и, вращаясь как волчки, расходились вдоль короткого борта к двум противоположным лузам. После третьего удара один шар упал в левую лузу, а другой покрутился и встал в самые губки правой лузы. После четвертого соударения шары стали падать в противоположные лузы один за другим. Удар с закруткой — оба шара, вращаясь, ползут вдоль борта и падают в противоположные лузы, еще соударение с вращением — шары опять в лузах.

— Сыровато сегодня, вот и не сразу стали шарики падать. На, сам пробуй! — предложил Эмиль.

— А почему ты вращаешь шары против движения, ведь при таком вращении шары тормозятся о борт? — спросил Край.

— Смотри внимательно! Вот шар дошел до лузы, коснулся дальней губки и свинтился в лузу. А если крутить наоборот, то шар от дальней губки отскочит. Запомни, вращается только свой шар, который ты бьешь кием. Соприкосновение шаров слишком короткое, вращение шару от шара не передается, поэтому вдоль бортов падают в лузы только свояки.

Край стал соударять шары, закручивая их кистями, как показал Эмиль. Но ничего у него не получалось — руки после проигрыша не слушались, шары отскакивали в разные стороны, вдоль короткого борта не скользили.

— Крутани один шар и толкни его к лузе — он туда сам свалится, — сказал Эмиль. — Только толкай тыльной стороной ладони, не тормози вращение! Понял, бестолочь?

И тут закрученный Краем шар подполз к лузе, постоял, коснулся на последнем издыхании дальней губки, постоял еще мгновение, словно подумал о чем-то своем, и свалился в лузу.

— Это тебе подарок от меня. И еще носи с собой тапочки, а после катки оставляй их в гардеробе, там примут, я договорюсь. В зимних ботинках не играй, ноги испортишь. А теперь, чтобы закрепить урок, забей свой шар с таким же правильным вращением.

Эмиль поставил чужой шар в сантиметрах сорока от правой лузы и в сантиметрах десяти от короткого борта.

— Куда целить? — спросил Край и отошел к дальнему короткому борту, пригнулся и стал метиться кием в свояка, а взгляд перевел на дальний, чужой шар.

— Целься в полшара по чувству, но, главное, бери правильный винт: свояк в правую лузу бьешь — значит, целься в левую часть шара! Чтобы свой шар вращался так, как я тебе только что показал!

Эмиль подошел к Краю и пальцем ткнул в точку на шаре:

— Бей вот сюда! Бей в ту сторону шара, которая от лузы! — Эмиль опять показал точку на шаре, в которую следовало бить. — Если свой шар хочешь положить в правую лузу, значит, целься в левую сторону свояка, бьешь в левую лузу — бей в правую сторону.

Край ударил сильно на отскоке и не забил.

— Плассируй удар! Толкай, сопровождай шар, а не бей. После удара продолжай смотреть на шар и, пока он в лузу не упадет, оставайся в том же положении прицеливания — не разгибайся раньше времени! Старайся, чтобы наклейка возможно дольше соприкасалась, сопровождала шар. Чувствуй винт! При сильном ударе винта хорошего не дашь! Сильный удар — глупый, незрячий. Всегда бей по шару средним по силе ударом.

Край ударял опять, потом еще и еще раз, и все с той же точки, варьируя силу удара. Эмиль ставил чужой шар на точку возле правой лузы.

И вот — наконец-то! Взяв правильное вращение, Край несильно ударил, и свой шар по нужной дуге завинтился в лузу и упал в нее! Удалось!

— В следующий раз на двух шарах я тебя обязательно порву! — сразу приободрился Край.

— Сначала должок верни, там видно будет, — сказал Эмиль.

Край еще раз ударил и опять забил своего в правую лузу.

— А ну-ка, дай я сейчас ударю! — сказал Эмиль, поставил свой шар на ту же точку и сильно, почти не целясь, ударил кием.

И вдруг — по совершенно немислимой дуге! — свояк после удара Эмиля полетел не в правую лузу, как ожидал Край, а в противоположную — в левую, ткнулся в нее, чуть отскочил, но за счет бешеного винта, вращаясь, опять пополз к лузе, завинтился и упал в нее!

Край просто обомлел:

— Ну ты даешь! Куда же бил?! А ну, покажи точку на шаре!

— Поставь шар туда же! — велел Эмиль.

Край вынул шар из лузы и поставил на ту же точку. Эмиль ударил опять, но на этот раз не забил. Только на четвертом потрясающем ударе — на оттяжно-боковом и вперед вращающемся винте, ускоряясь, шар опять влетел в левую лузу! Значит, первый удар не был случайным! Эмиль забивает невероятные шары!

— Только на трех — нет! — только на четырех шарах форы буду я с тобой теперь играть! Только восемь — четыре! Ты на сукне цирковые номера исполняешь! Настоящую игру прячешь! Против тебя я вообще не гожусь! — Край наконец сообразил, с каким великим бильярдистом он сражался, и сразу стал выклянчивать еще два шара форы.

— Сводка у нас устоялась! — отказал Эмиль. — Повышай свою игру, пока молодой.

— Куда же ты бьешь? Покажи! — попросил Край.

— Как только должок вернешь, так сразу я тебя научу и этому удару, — пообещал Эмиль.

— С кого за время? — подошел к столу Устрица-маркер. Фраер, с которым Устрица только что играл на третьем столе, со скандалом убежал из бильярдной и никому не заплатил. Оказалось, что уйти из шаровни вполне возможно, но только раз и навсегда.

— С меня, с кого же еще. Сколько денег? — спросил Край.

— Играли три часа сорок пять минут. С тебя ровно семь рублей.

— На пятерку, два рубля завтра принесу.

— Опять лохов вытряхиваешь до потрохов! — возмутился Устрица. — Сколько можно тебя предупреждать?! Твои разборки всем надоели! Налим тобой недоволен!

— Это я, что ли, лох? Ты меня за лоха держишь?! Я второй год в Академию хожу, — возмутился Край.

— Принесет он. Завтра же отдаст. Ему нужно новый удар освоить, — вступился за партнера Эмиль.

— Деньги за время немедленно мне отдавайте! Из своего кармана мне за вас в кассу платить?

— Никуда я не денусь, — тут же сбавил гонор Край, — в зубах принесу. На, возьми часы в залог.

Край достал из кармана наручные часы и, вместо того чтобы надеть их на руку, протянул маркеру.

— Убери! — велел Устрица, взял пять рублей и пошел к кассе.

— Сколько ты профукал, гребанный кот? — спросил со спины Кролик.

«А твое какое дело?» — хотел было в сердцах ответить Край, но тут же вспомнил, что, когда он только еще сводился с Эмилем, Кролик подошел к нему и стал проситься в долю на десять процентов от куша. Раз уж сам Кролик нажать хочет с его игры, Край сразу свелся с Эмилем. С такой потрясающей кладкой, какая у него недавно открылась, он не

сомневался, что легко выиграет у Эмиля на двух шарах форы. Тем более, такой известный мазильщик к нему в долю пошел!

Нескоро еще допетрил Край, что Кролик с Эмилем в паре работают: Кролик своими 10% поддерживает уверенность фраера в том, что тот выиграет. На самом же деле Кролик идет 20% в долю Эмилю, из которых эти 10% идут на поддержку фраерского самомнения.

Сейчас это называется кешбэк.

— Сорок пять рублей — с тебя четыре пятьдесят.

— Сколько ты заплатил Эмилю?

— Двадцать рублей я заплатил сейчас, а четвертак принесу в конце месяца.

— На, держи два рубля, а два пятьдесят получишь, когда отдашь Эмилю и проигранный четвертак.

— Давай все сейчас. Где я тебя потом искать буду?

— Как я возле этой урны сижу, так я и сидеть буду! Искать меня не надо! А ты, может, вообще больше сюда не заявишься. А что Эмиль? Кто мне может сказать, что завтра случится с Эмилем?

— При чем тут Эмиль? Ты шел в долю ко мне, и со мной ты должен рассчитаться!

— Ты, блин, плохо слышишь? Может, уши тебе прочистить? — зашипел Кролик. — Как заплатишь полностью долг, так и мои два рубля пятьдесят копеек получишь. Не заржавеют.

— Ладно! — согласился Край и почувствовал: опять какая-то подлянка! Взял у Кролика два рубля, подошел к кассе и отдал их Устрице.

— Мы в расчете.

— Наскреб? Лады.

— С долиста получил, с Кролика, — пояснил Край, гордясь тем, что стал уже в бильярдной своим.

— Молодец! — с иронией похвалил его Устрица. — Грамотно тебя грузят.

— Что значит «грузят»? Я проиграл Эмилю. А с Кролика получил по долям. Он хотел нажить с меня свои десять процентов!

— Подстраховался. На метро осталось? А то на — держи рубчик.

Край позвенел мелочью в кармане и, отряхивая брючины, повернулся и пошел на выход.

— Слышь, — сказал Устрица, — ты вроде парень нормальный.

Край повернулся к нему. Устрица огляделся вокруг и утвердился, что они одни возле кассы стоят, — все в шаровне опять собрались у девятого стола.

— Играй только на те бабки, которые у тебя есть в кармане.

— Почему это?

— Играй с партнерами только на налик. Ни в бильярдной, ни на катране, ни у хозяина больше никогда и ни на что не играй — ни на слова, ни на расписки, ни в долг, ни на вещи. Закончились деньги в кармане — иди домой, цел будешь и в порядке.

— У какого еще хозяина? — не понял Край.

— В тюрьме.

— А с чего это я должен в тюрьме оказаться?

— Считай, ты уже там. Тогда, может, и не попадешь в клетку. Играть на деньги у нас в стране запрещено законом. Только сегодня ты наиграл годика на три, а ты тут ежедневно ошиваешься. За четвертак, который ты не заплатил, тебя блатные у выхода так отработают — мало не покажется! Эмиль мигнул бы Бороте — и все. Но Эмиль тебя на крючок посадил, потому и пощадил. Он из тебя бабок побольше хочет вытянуть. Но, если ты и в следующий раз не заплатишь, у выхода тебя подкараулят, в драке отмахнешься, поставишь тому же Цыпленку фингал — считай, ты уже у хозяина. А дальше пошло-поехало.

— Что ты ерунду городишь! — возмутился Край и в сердцах потопал из бильярдной.

— Дурак! — сказал ему в спину Устрица, отвернулся и пошел к девятому столу.

Еще нескоро понял Край, что Эмиль в этот день по жизни спас его. И что Устрица, от зависти к удачливому Эмилю, открыл ему главный закон всей игроцкой жизни.

* * *

«Как же Налим меня заметил, если я его не видел?» — удивлялся Чума, продираясь в глубь гардероба сквозь ряды развешанных курток и пальто.

На ящике для обуви на газете и в оберточной бумаге была разложена закуска — колбаса, нарезанная еще в гастрономе, ломтики сала, грамм четыреста сыра, селедочка уже разделанная, обсыпанная лучком — на общепитовской тарелке, и кастрюля с картошкой, над которой клубился пар.

Плотно устроились! У Чумы сразу слюнки потекли. Налим достал из угла — даже здесь, в гардеробе, у него бутылка была припрятана — и разлил водку в четыре граненых стакана. Чума поднял глаза и тут же сообразил: «Грек тут! Это он сообщил Налиму, что я в Академию заявился».

— Ну, сажай!

Выпили, закусили.

Гардеробщица — ей тоже налили — выпила, стакан поставила, картошечку да колбаску поклевала, ломтик сыра в горсть взяла и назад на свое рабочее место к окошку поспешила.

— Ну, что, поднялся, нажил малость, — утвердительно сказал Налим.

Чума кивнул, прожевал, проглотил и снова набил рот.

«Надо будет, как выйду из гардероба, бабки по разным карманам разложить, а то больно бугрятся, родимые», — решил Чума.

— У меня к тебе предложение, — сказал Налим.

— Что такое? — удивился Чума. Его в Академии почти месяц не было, а к нему дельце созрело.

— Тут без тебя к нам один чучмек стал захаживать. Поставит мазу по три рубля — и весь дрожит. По чирику ни в какую не ставит. Одет кое-как, а ездит на почти новой «Волге»! Присмотрелись мы к нему — на нем часы золотые, швейцарские! Послали за Витькой-часовщиком, чтобы он с лету марку определил. Оказалось — не поверишь!

— Что же за котлы? — заинтересовался Чума.

— «Брегет»! Чурка носит хату на запястье!

— Да ну! Надо бы его гоп-стопнуть. Жаль, что я не по этому делу, — пошутил Чума.

— Послал я Грека на «Москвиче» вдогонку за его «Волжанкой», и Грек все разведal. Теперь отгадай с трех раз, кто он и кем работает, — предложил Налим.

— Министр какой-нибудь.

— Мимо.

— Директор гастронома. Скоро и его под вышку подведут, не успеем раскрутить.

— Нет!

— Учёный какой-нибудь, лауреат с пре-ми-я-ми.

— Опять мимо, — ухмыльнулся Налим. — Чучмек этот делает то, что и положено делать чучмеку: ботинки драит возле Курского вокзала.

— Как? — не понял Чума.

— Самым натуральным образом. Ваксой натирает, щетками блеск наводит, шнурками и стельками торгует.

— Откуда же у него «Волга»? — удивился Чума.

— Грек вроде случайно сел к нему в кабину, тот стал ему колеса чистить, и Грек вроде только его узнал и пристыдил. «Что ж, — говорит, — ты дело свое имеешь, а у нас в Академии на последнем счету. Все мазильщики над тобой смеются. По трешке мазать стыдно!»

Грек у нас по виду тоже почти чучмек, и поэтому этот чистильщик стал перед ним выкобениваться. «Мне, — говорит, — на ваши куши и мазы смотреть противно! Я с вами руку боюсь испортить. Мне здесь, на Курском вокзале, приятней сидеть, чем в вашей Академии. Когда мы со своими ребятами в нарды садимся играть, меньше ста тысяч никто из кармана не достает».

— Сто тысяч?! Чего вы тут гоните! — усомнился Чума. — Штукарик, может, кто-то и достает из кармана...

— Именно сто тысяч! «А вы, — говорит, — псы позорные, от меня больше трюльника никогда не дождетесь!» Этот чучмек, по своему понятию, своей грошовой мазой всю нашу Академию опускает! Понял, какие дела?! А сам в это время туфли Греку драит. Скажи, Грек?

— Мамой клянусь, так и было. У меня в голове помутилось. Человек с котлами из рыжья за десять косарей грязь с моих ботинок счищает и

меня же лагает за всю масть! И Академию нашу поносит! Я еле удержался, чтобы прямо там, в сапожной будке, ему в поганую рожу ботинком не пнуть!

— Как же нам бабки из него вышибить? — озадачился наконец и Чума.

— То-то и оно. Их надо зацепить, а деньги выкатать. Как раз об этом мы сейчас с тобой и толкуем.

— Ты, Налим, постановщик — тебе решать. Придумай чего-нибудь! — у Чумы при мысли о таких обалденных деньгах слюна опять ниточкой из рта потянулась, и катала опять набил рот снедью.

Налим достал еще одну бутылку, разлил по стаканам и говорит:

— Выпьем, чтобы в голове просветлело.

Дернули, и Налим продолжил:

— Ты, Чума, перед этим чучмеком пока не засвечен. С тех пор как он стал к нам Академию ходить, тебя здесь не было. Где ты, кстати, ошивался?

— В теннис играл, локоть потянул — компрессы дома ставил, чтобы кий нормально держать. Чучмека я точно не видел.

— Поэтому мы с Греком и решили тебя на это дело определить. Готов?

— Как же я к нему подберусь, если он перед людьми засвечиваться не хочет? А по рубчику много не настреляешь.

— Ты согласен поработать или нет? — уточнил Налим.

— Еще бы, конечно! — подрядился Чума.

— Ну, смотри. Получишь за работу тридцать копеек. Выкатаешь лимон — триста тысяч твои, остальные нам с Греком в зубах принесешь.

— Принести-то я принесу — вы меня знаете, слово Чумы железное. Только как мне к этому миллиону подобраться?

— Грек, поди глянь — никто к нам втихаря тут не подобрался? И гардеробщице скажи, чтобы вышла, пол вокруг подмела, — велел Налим.

Грек, как пес, нырнул под одежду, пыль полами поднял, тут же вернулся и доложил:

— Все чисто.

Налим в самое ухо зашептал Чуме:

— Ты сядешь в такой же будке и будешь чистить ботинки возле Павелецкого вокзала.

— Я? Катала с именем?! — отшатнулся Чума.

— Да, ты! Полгодика поработаешь — ничего с тобой не случится, кладки не потеряешь. Тебе надо вписаться в их игроцкий круг и там стать своим. Для начала будешь туфли чистить, станешь натуральным чистильщиком. Потом войдешь в их компанию, и они пригласят тебя на свой катран. Для начала засадишь им косарей тридцать, а то и все пятьдесят. Пропуль дашь в ту самую игру, в которую они там играют.

— Откуда же я возьму на пропуль такие бабки?

— Я тебе их дам! 50 тысяч ты получишь от меня на засад, на проигрыш, чтобы там стать в доску своим! Ты меня понял?

— Угу.

— А когда эти люди к тебе привыкнут и признают за своего, там видно будет, что им впарить и как их объегорить и натянуть. Стиры намастырим, кости наготовим, на шары переведем — все их башли через тебя у них выкатаем!

— А будку сапожную как же я открою? Там вроде инвалидом надо быть, специальные ксивы иметь. Я в этом деле без понятия.

— Это не твои заботы. Ты, главное, ботинки драй и концы среди чистильщиков наводи. Сапожную будку для тебя Грек откроет — он у нас в этом деле мастер. У него там все схвачено.

— А сейчас что мне делать? — спросил в растерянности Чума.

— Прямо отсюда иди домой. Деньги у тебя на первое время есть. Грек тебе позвонит и скажет, куда и когда тебе на работу выходить. Шнурки и подметки для тебя мы купим.

— Там на третьем столе игра сейчас подходящая идет — Устрица фраера запутал. А на восьмом Эмиль лоха грузит...

— Фраер от Устрицы уже соскочил, и на восьмом столе катка кончилась (даже закусывая в гардеробе, Налим в курсе всех дел в Академии). Ты, Чума, похоже, меня не понял. Сейчас же отправляйся домой! — вдруг зашипел Налим. — А когда Налим шипит, перо запросто может в бок воткнуть — с него станется.

— Мы с Греком тебя в постановку взяли! Серьезное дело с тобой начали. Ты на всю оставшуюся сейчас можешь раскрутиться, а тебя на мелочовку опять тянет. Ты куш держишь или я тебя с кем-то путаю? Пока мы этот отъём не исполним, чтобы тебя в Академии я больше не видел! Понял?!

— Да, — Чума посмотрел Налиму прямо в глаза и действительно вник, что он теперь проходит по раскладу: вход — рубль, выход — пять. Из этой мутной постановки он может теперь выйти с сотней-другой косарей в зубах или ногами вперед.

— Прямо из гардероба иди в метро! Чучмек может в любую минуту прикатить, чтобы опять над нами, по-своему понятию, поиздеваться. Как только он тебя в Академии увидит, нашему плану кранты! — велел Налим.

— А они точно там по сотне тысяч в нарды разыгрывают? Может, этот чистильщик просто трендит, а на самом деле только пшик и понты гнилые.

— Мы тебя в пустое дело не втравим! Нам и перед тобой ответ держать надо, — успокоил каталу Налим. — Этот чистильщик, чтобы пофорсить, пригласил разок Грека полюбоваться на их игру. Все так и есть. Играют на закрытом катране за чистый налик, куши огромные. Кроме своих, никого к своей игре близко не подпускают. Скажи, Грек?

— В натуре так, — подтвердил Грек.

— У метро купи парочку сапожных щеток, тренируйся дома на своих грязных башмаках и жди. Грек скоро тебе позвонит. Ну все, бывай здоров! — Налим подмигнул.

Чума опять натянул свою куртку, вышел на мороз, и, едва он наступил на обледеневшую ступеньку, башмаки заскользили и он едва удержался на ногах — под теплыми подошвами образовался тонкий слой воды.

«Опять пронесло! А то бы упал на лёд прямо возле дверей!» — Чума постоял чуток, подождал, пока подошвы остынут, снова попробовал шагнуть и опять заскользил. На первую ступеньку ступить не может!

«Примета не к добру! — опять про себя забормотал Чума. — А вдруг всю эту сапожную историю Налим с Греком против меня замутили? Чтобы мою однушку на пропуле у меня же отобрать! Эти хитрые решалы из гардероба найдут, как это сделать!» — похолодел Чума, и дрожь от внезапной догадки пробрала его посильней мороза.

Вся эта левая игра Пионера со Слоном, на которой по счастливому случаю он нажил почти штукарник, тоже была подготовлена Налимом! — догадался наконец Чума. — Слон сам за половину играет, а вторая часть его куша — Налима-постановщика! Грек получил с Мурадяна три тысячи — а это была самая крупная маза! — и тут же в зубах отнес все деньги в гардероб. И там они, еще до того, как я подошел, их поделили. Грек и сообщил Налиму, что я в Академии появился и со стороны влез в их постановку. С левой катки, которую они, может, пару дней готовили, я и себе дуриком огреб косарик! Такие дела Налим не любит и не прощает! Вот они с Греком — на скорую руку — чтоб я под ногами у них не болтался, решили меня зацепить с этим чучмеком, а потом меня же раздеть до нитки! А пока под этим предлогом просто убрать меня из Академии! Все так и есть! Плохо мое дело! Надо мне срочно соскакивать!

И тут — как только Чума просчитал все дальние ходы задуманного Налимом отъема — ему вдруг пришло спасительное озарение! Чума вспомнил, как Макинтош в гастроном за водкой бегаёт. Купит поллитровку, на которую ему кто-то денег дал, и тут же — еще в алкогольном отделе — водку из бутылки в грелку перельет и спрячет грелку за пазухой. В туалете возле пожарки порожнюю бутылку водой заполнит. И при входе в Академию, вроде случайно, Макинтош цепляется каблуком за порог и плашмя падает как раз с этих вот со ступенек.

Бутылка с водой — вдребезги! Хочешь не хочешь, опять Макинтоша за водкой посылают — не обнюхивать же обрызганный пол. Вторую же бутылку Макинтош всегда принесет в целостности-сохранности!

Чума огляделся — вроде нет никого. Осторожно, опираясь руками об обледеневшую ступеньку, повалился катала в ледяную кашицу с окурками у дверей и весь бок и всю спину замочил и обляпал.

Алексей Аронович — надо же, как удачно получилось! — тут же из дверей нарисовался, и застонал Чума в голос:

— Ох, брат, подсоби! Упал я. Кажись, все переломал!

По зову Алексея Ароновича из Академии люди прибежали, подняли Чуму из лужи, обтерли от окурков и понесли обратно в тепло, где катала вскоре оклемался.

Часика через полтора чучмек с золотым «брегетом» в шаровне нарисовался! А вскоре и сам Налим прошел через всю бильярдную в дальнюю комнату и не глянул на Чуму, который, чтобы как следует засветиться, сидел возле бильярдного стола, где вокзальный чистильщик с кем-то катал по мелочи. И на обратном пути в свою конторку Налим, проходя мимо, от Чумы отвернулся и только хмыкнул.

* * *

Канитель ту Кургузый замутил, как только привык долишку с игровых бабок получать и среди катал стал считаться своим. Быстренько сообразил Кургуз (так по-простому стали звать его в Академии), что живая копейка всегда карман греет. Но главным, конечно, для известного кента было общение в закрытом бильярдном кругу — изнутри, из игровой среды, стишок-другой сочинить, для полноты собственного мифа и образа, а такое не всякому дается.

Жизнь наша возле зеленых столов проходит, всё и у всех на виду — мы ведь только тут обретаемся. Когда в тот день Кургуз появился в Академии, сам Налим встретил его у входа, сунул ему по каким-то долям пачечку четвертаков, и стали они промеж собой о чем-то толковать. Грек тут же Пионеру шепнул — чтобы все знали, что Грек обо всем и всегда в курсе: «Косого на даче у Кургуза загрузили, а Косой — партнер золото. Не зря с Косым сыграть — среди наших очередь стоит».

Глядь, по ступенькам Кутик сбегает.

Сейчас, думаем, крутая катка пойдет! А Кутик сразу к нам, к девятому столу, и стал гутарить на повышенных:

— Сегодня еще не проснулся, вдруг настырный звонок в дверь. Соседка утром на работу ушла, мне вставать пришлось. Открываю, и сразу вваливаются в мой закуток пять человек вместе с участковым (кстати, Кутика кличут по всегдашней его прическе: «в закутке живу — в закутке катаю»). Понятые, дружинников парочка, все как положено. Участковый у меня прикормленный, а тут, падла, — при свидетелях! — с подковыркой спрашивает: «Чего ты дома прохлаждаешься? Почему не на работе? Ты, что, тунеядец?!»

Достал я из шкафа свой диплом, показываю им и говорю: «Вот недавно выиграл первое место на турнире в Доме архитекторов и теперь я официально чемпион СССР по бильярду. Сейчас до поздней ночи тренируюсь, готовлюсь к чемпионату мира в Финляндии, а по утрам отсыпаюсь». — «Где там у тебя чемпионат, и по какому виду — нас это не касается. Твой бильярд и спортом-то у нас не считается! Даю тебе, по симпатии, недельный срок. В следующую среду предъявишь мне справ-

ку с круглой печатью — где и кем ты работаешь. Если справки не будет — я тебя арестую! Комнатку твою с понятами опечатаем, и загремишь ты, мил-сокол, по тунейдке! Финляндию не обещаю, но на карельском лесоповале за пять лет тебя к труду приучат!»

Ушли эти гаврики другого тунейдца перевоспитывать — у них целый список в руках, а я сразу сюда дернул. И что мне теперь делать? Ты хоть, Налим, подскажи. Ты ведь у нас самый умный! Пять дней всего осталось, и прощай свобода! Хоть из закутка своего беги, в шаровне под крайним столом ночуй... Я в полной панике...

Кутик развел руками.

— Сам ты и думай! — пробурчал Налим.

— Сейчас мне устраиваться надо! Хоть куда-нибудь! Мне справка срочно нужна! Думать я потом буду! Подскажите, люди! — обратился Кутик ко всей бильярдной.

— Роберт, Алик, Боря, Оля, Толик и мать-перемать! — ухмыльнулся Край.

— Что? — не понял Кутик.

— РА-БО-ТАТЬ не пробовал?

— Нашел время шутки шутить! — отмахнулся Кутик.

Вдруг Кургуз говорит Кутику:

— Я тебе помогу.

— У вас, что, заводик свой есть? И управление кадров при нем, а там круглая печать? — с недоверием и в то же время с надеждой спрашивает Кутик.

Напуган был катала изрядно, тем более «тунейдка» тогда была у всех на слуху. А Кургузый вон чего придумал — вся Академия аж взъерепенилась.

— Я и есть самый настоящий завод! Прямо сейчас я беру тебя к себе на работу! Поехали, чтоб резину не тянуть, тем более сроки поджимают. Заявление напишу, тебя сразу оформят и справку с вожденной круглой печатью выдадут. Паспорт у тебя с собой?

(Все-таки культурного человека издалека видать! «Вожденной»! Во сказанул!)

— Куда оформят? — все прощупывает ситуевину Кутик.

— Тут все чисто! Не волнуйся! — знаменитый поэт успокоил ката-лу. — Оформят тебя моим литературным секретарем, а зарплату будешь получать прямо от меня. Я сам и буду тебе платить — 80 рублей тебе хватит?

— Куда оформят? На рубль оформят, а выход пять? И не надо мне никакой вашей зарплаты — на полкуша её не хватит!

— Тебя оформят в нашем культур-фонде — все чин-чинарём. Секретарь мне по статусу положен, хотя я до сих пор без него обходился. Но по такому случаю ты официально станешь моим литературным помощником, чтобы тебя по тунейдке не привлекли! Тебе и в трудовую книжку

запишут, чтобы стаж у тебя шел. А если нет у тебя книжки — то тебе у нас её и выдадут.

— Быть такого не может! Даже не верится! Вы серьезно, что ли? — ещё не верит Кутик своему спасению.

— Поехали, за час все оформим! — и оба-два гаврика, чуть ли не под ручки, ушли из Академии.

В шаровне от изумления все рты поразевали, а Налим сказал им вслед:

— Только я стал надеяться, грешным делом, что мы тут от Кутика малость отдохнем, годик-другой без него покатаем. Достал он — шустрый больно. Дармовых партнеров, всех лохов под себя заточил. А Кургузый, молоток, снял Кутика с крючка! — и, сокрушенно покачивая головой, Налим пошел в свою конторку.

А дальше все пошло-поехало как по маслу: Затраченный стал секретарем Скупердяева, Устрица бросил маркерить и стал числиться при Пупке Акрамовском, Вася Тушенковский у самого Тушенки водилой стал, по обширному хозяйству стал помогать, а потом и самого каталу стали кликать по имени поэта. Чума, Толик Дохлый, Барбос — все пристроились, играющим людям путь спасения открылся.

Короче, кто хоть чуток пошевелился — тот на киче не сидел. По левому трудоустройству бильярдные каталы долго еще числились при поэтах секретарями — пока саму статью по тунеядке не отменили и работать стало запаadlo.

И тут, конечно, меня могут спросить:

— А как же товарищи санкт-петербургские члены пень не пойми чего Бродского не удосужились отмазать и тому по полной отмерилось?

Вопросом отвечу на вопрос:

— А чем Кургуз, который спас от лагеря Кутика, лучше любого член-союзовца — воспевателя белых, так сказать, ночей? Абсолютно ничем — такая же шушера. И любой из этих совковых подпевал, а в те разудалые годы в культурнейшей из столиц их было сотен десять, если не все двадцать пять. И каждый из них — как нечего делать! — через Санкт-отделение местного культур-мульти-фонда — влѣгкую! — мог отмазать Иосифа Бродского и от тунеядки, и от лагеря, и от ссылки, и от высылки — если б только захотел.

* * *

Возле песочницы, еще во младенчестве, просадил Клубника все свои игрушки соседским детям в поплеушки, и так получил первую свою кликуху — Кика. С тех давних пор всё покатилося-понеслось, и уже в Академии, через тридцать с лишним проведенных в бездарной катке лет, прозвали Клубнику за богомерзкую бороденку Отцом Сергием. Но и в прежних своих званиях просаживал Клубника все подряд, потому что любой выигрыш приносил ему только несчастья. С легкой душой про-

играл он и босоножки почти новые, только разика два всего надеванные, — прямо с грязных лодыжек отстегнул и продул. Поставил Клубника эти босоножки с ремнёвой затяжкой против фирменной кепочки Дохлого, и буквально с двух раздач выкатал у него эту кепочку. И нет чтобы бросить катку, напялить настоящую, фирменную кепку-бейсболку и до другого раза — до фартового дня! — из Академии слинять. Пусть бы эта бейсболка хоть чуток к дурному лбу прилипла. Так нет — опять Клубника весь свой навар поставил против стекловников того же Дохлого: на всю шаровню у одного только Дохлого были такие очки — фарца знакомая ему всего за триста рублей их раздобыла. И как раз в этих же стекловниках-очках — а Дохлый был человек в высшей степени бережливый! — его через двадцать с лишним лет, и тоже летом, но уже возле бильярдной сада Баумана, тяжело ранили. Видел Дохлый своего убийцу, но кто его убил — выбежавшим на выстрел игрокам сказать не успел.

А тогда эти самые настоящие солнечные стеклянные очки Клубнике выиграть не удалось — опять он с одной раздачи все продул: и бейсболку, и босоножки — и пошел, как Лев Толстой, топя босыми ступнями по асфальту, к метро «Октябрьская-кольцевая». Хорошо еще, что та катка была в самом начале июля.

Дядя же Федя в дармовой катке — то есть абсолютно безо всякой форы, а по совести, должен был дядя Федя давать Клубнике как минимум три шара, — отнял у него и тот перстенок, который за червонный проканал, когда Клубника еще в Ровно выкатал этот перстень у Столяра, у тамошнего положенца, в буру. И с тех пор кто-то слушок нехороший пустил, что потерял Клубника уважение у Столяра.

В знаменитой той катке дядя Федя забивал шары да забивал и клал их с размаху на полку, так что треск летел по всей бильярдной. И приговаривал дядя Федя:

— *Умер-шмумер, лишь бы был здоровенький!*

По присказкам против дяди Феди в Академии никого даже близко не было — разве что Хлястик иной раз так подходяще скажет, что только диву даешься: «*Я думал, ты плохо играешь, а ты, оказывается, совсем не умеешь*».

Это сам Хлястик придумал! И если кто скажет, что это не его поговорка, тому не верьте. Когда Хлястик у стола кием шамальцует и очередного фраерка охаживает, то тут по разговорам с ним никто рядом не стоял и стоять никогда не будет! Только слушай, запоминай да записывай. Когда же Хлястик всю наличку из фраера вытряхнет и с кием и с деньгами пойдет опять в свою конторку или в гардероб, чтобы рулить оттуда всей бильярдной, то тут, конечно, он уже не Хлястик, а крутой Налим.

Дядя же Федя еще любил против своего мнения мазы ставить — все-таки странный был он человек.

Почему дядя Федя нарочно ставил глупые мазы — никто до сих пор не въезжает. Поставит денежку на лоха и тут же начинает похваливать

игрочишку, на которого сам только что свою глупую мазу поставил. Лошина позорный дурными ударами раскатывает всю пирамиду по столу, подставляет, киксует, шары из луз вышибает. А дядя Федя после каждой невыносимой промашки, после безобразного удара все приговаривает:

— Давай-давай, ну, молодец!

Все шаровня смехом заходится, а игрочишка так криво бьет по шарам, что создается полное впечатление, что он самого дядю Федю влевую скатывает. Впрочем, вполне так могло и быть, и какая-то третья сторона была тут в наваре — темные многоходовочки Академия уважает и приветствует.

Не зря же Лазик, которому по молодости лет часто приходилось спать стоя в залах ожидания, указывал на происходящий круговорот:

— Любая заморочка должна быть многослойной и с запасным выходом. Бабки сами к нам не приходят, ножек у них нету. Только лохи в своих карманах к нам бабки приносят. А раз ты катала, ты обязан лоха обчистить! От просада лошина начинает умнеть и у себя на службе зарабатывать все больше. Шаровня и лохам пользу приносит! Но выкаты у него бабки становится все труднее! Поэтому необходимо пристрастить лоха к шаровне, чтобы он почаще к нам заявлялся!

И только дядя Федя всегда нарочно ставил мазы против собственного мнения.

— Давай-давай, молодец! — опять приободрит он игрочишку. А потом отворотится от стола — денежки-то все равно жаль! — и прямо в кучу мазильщиков со скособоченной физиономией выговорит:

— Ну ты и пи-горазд!

Хотя на самом деле парень, на которого дядя Федя ставил свою просадную мазу, просто чистосердечный мудила. И вроде негромко скажет дядя Федя, а вся шаровня смеется! Фраерок краем уха тоже слышит мнение своего же мазильщика о себе, но предьяву дяде Феде сделать боится. Да и не очень-то дяде Феде предьявишь, а скорее, сам в харю за бездарную свою катку от дяди Феди с размаху получишь.

Напоследок — или просто так, от нечего делать, — ставил дядя Федя против своего мнения с одной только целью — покурлесить, повеселить всех мазильщиков да и о себе, о разухабистом дяде Феде, память на годик-другой в Академии оставить. Так и получилось.

Столяр же, ровенский положенец, у которого Клубника выкатал этот позолоченный перстенок, через... да уже и не подсчитаешь, через сколько лет! отмазался-таки от засада в бурю. Икнулся Клубнике этот выигрыш по полной программе. Пока он в Москве ошивался, в Ровно у него сынок подрос, и на баб паренька потянуло. А Столяр только того и ждал, и подсунули его «шестерки» Клубничному сынку шлюху. Только слез сынок со шлюхи, та крик подняла, хай невероятный, а «мусорки» тут как тут — тоже в доле. Загресли бедолагу с отягчающими обстоятельствами — и засветила Клубничному сынку десяточка.

Клубника из Москвы, конечно, позвонил Столяру, повинился: мол, возьми деньгами, не губи сына, пусть твоя тварь заберет свое заявление назад. Столяру деньги передали, он их взял, но шлюху на поводок не посадил, и десяточка продолжает светить Клубничному сынку, как полная луна. Клубника опять бошку напруг, недельку покумекал, как же ему теперь эту кривую ситуацию разрулить.

От катки, конечно, отрываться не стал, так с колодой в руках и нама-раковал Клубника верный ход. В Ровно ехать было ему недосуг, да там и его самого легче легкого на вилы поддеть могут. И на собственной даче да на своей сдаче пришла-таки Клубнике мысль!

Порылся он в старых записных книжках и нашел в них номер телефона непродажного ровненского мента (был там один такой, только недавно, и уже на пенсии, по старым делам его пристрелили). И упросил Клубника того честнягу, чтобы они через камерную насадку предложили его сынку всю кодлу вместе со Столяром сдать конторе — в обмен на сокращение будущего срока.

А сыну своему, бедолаге, велел Клубника — через бывшую жену — чтобы он на всю хату — громогласно и напрочь! — не только отказался от этого подлого предложения, а, наоборот, во всеуслышание объявил, что, мол, лучше я два срока подряд в крытке отмотаю, чем родного нашего Столяра конторе сдам. И когда донесли ровненскому положенцу о стойкости Клубничного сынка, только тут у него совесть наконец и пробудилась. Велел тогда Столяр подсадной шлюхе лживое заявление порвать. Сама она, конечно, уже от ментуры по полной за такие дела получила, ну это уже как водится. На разборе же Столяр весь тот базар погасил.

Так отбоярился Клубника от крепкой ровненской подставы. Кстати, пока он в старых своих записных книжках рылся, на глаза Клубнике попался ветхий, желтый номер «Комсомольской правды». Чего, думает, эта газетёнка тут пылится? И стал ее читать-почитывать.

И оказалось, что в этом номере «Комсомольской правды» напечатана стенограмма выступления первого секретаря ЦК ВЛКСМ тов. Павла Павловича Савлова на открытии Всесоюзного съезда комсомола — не разобрать, какой порядковый номер был у того съезда — клочок старой газеты оторвался. Славный Павел Павлович прямо посередине своего торжественного выступления зачитал с высокой трибуны поступившие в адрес президиума телеграммы, одну из которых сам Клубника и послал, да за давностью лет забыл об этом.

В той телеграмме Клубника сообщил всесоюзному комсомолу, что как раз перед началом съезда у него родился сын и что он, счастливый папаша, решил назвать своего первенца в честь первого секретаря ЦК ВЛКСМ — Савлом.

И тут, судя по стенограмме, опубликованной в «Комсомольской правде», все делегаты съезда заулыбались и зааплодировали.

Сам же Клубника над этой старой газетенкой прослезился.

Павел же Павлович и в дальнейшей своей карьере был в высшей степени находчивым и остроумным человеком. Вот, к примеру, когда пианист и гроссмейстер Марк Тайманов проиграл матч Бобби Фишеру со счетом 5–0, тов. Павлов — тогда уже в должности председателя Спорткомитета СССР — прямо на коллегии поднял со стула этого, так сказать, шахматиста и выговорил ему:

— И зачем только, Марик, я тебя туда послал? Ведь я и сам мог бы прекрасно туда съездить, отдохнуть, по Европам прокатиться. И с таким же счетом в шахматешки этому пресловутому Бобби продуть.

Вообще же Павел Павлович имел необыкновенную тягу к знаниям. Когда его еще только бросили с комсомольской работы поднимать советский спорт, он сперва решил: сейчас как надаю там всем пинков, забегают у меня! Потом смотрит: в его системе одних только научно-исследовательских институтов физкультуры целых девять штук! Позвал он тогда в кабинет Сашка, моего старого друга, который тогда в предбаннике на вертушке сидел, и спрашивает у него:

— Что эти дармоеды там делают?! — и пальцем указывает на квартальный отчет. — Может, разгоним их всех и народные средства сэкономим?

А у нас с Сашком родители еще до войны вместе на одном курсе в институте физкультуры учились, спортивная семья, спорт изнутри знают. Вот Сашок и посоветовал руководству:

— Выносливость они изучают, Павел Павлович. В этих институтах исследуют с научной точки зрения, как побыстрее поднять специальную выносливость у бегунов, чтобы они по стадионам побыстрее, подольше бегали, и не очень уставали, и за ночь восстанавливались с плюсом. В этом восстановлении — вся суть спорта. Они там еще и технику ударов в волейболе изучают, и, наслушавшись их советов, наши волейболисты повыше прыгают да посильнее бьют по мячу через сетку. Ученых из этих институтов мы посылаем прямо на базы олимпийской подготовки — и там они дают тренерам ценные рекомендации. И по вольной, и по классической борьбе — как, к примеру, силу захватов и бросков в борьбе увеличить. В питерском имени Лесгафта институте рационы специального питания для спортсменов по различным видам спорта разрабатывают. Особенно важно, что в этих институтах специалисты исследуют, как детей правильно учить в плавании в воде ногами болтать, а в гимнастике — как покрасивее на турниках и на кольцах вертеться, на ковре погращиозней изгибаться. Все эта наука необходима нам для того, чтобы наши советские спортсмены золотые медали для Страны Советов завоевали. Не стоит их трогать, Павел Павлович. Шуму будет много, еще и в ЦК на вас побегут жаловаться.

Товарищ Савлов — человек хваткий. Послушал он внимательно Сашка и думает: «Как бы мне не опростоволоситься, если меня вдруг вызовут в Инстанцию на ковер. Давай-ка я по-быстрому разузнаю, как там чего»

— и велел себя зачислить на заочный факультет в ближайший институт физкультуры.

А тут спартакиады, олимпиады, чемпионаты всякие как накатят — там их приветствуй, тут им торжественно открывай, а еще и лыжи, купленные на государственный счет, на Зимнем чемпионате во Франции налево за валюту толкнули — и этими мудаками пришлось заниматься. Короче, по запарке напрочь забыл Павел Павлович, что он студент первого курса ГЦОЛИФКа.

Он-то забыл, но секретарша замдиректора ГЦОЛИФКа по заочному обучению все помнит. И вот звонит эта настырная секретарша по месту работы нерадивого заочного студента и спрашивает:

— У вас Савлов Павел Павлович работает?

— Да, работает, — со смешком отвечают в общем отделе Спорткомитета.

— Пожалуйста, передайте этому Савлову, что он зимнюю сессию пропустил, на занятия не ходит и что мы его к годовым экзаменам не допустим.

В общем отделе посмеялись да забыли.

А через шесть месяцев, в конце мая, эта секретарша подложила на подпись замдиректора по заочному обучению приказ об отчислении нерадивых студентов. А тот взял этот приказ и — не читая! — подмахнул.

Так среди отчисленных студентов-прогульщиков — по чистому недосмотру! — оказался сам председатель Спорткомитета.

Такого, конечно, при всей своей доброте, Павел Павлович простить уже не мог. И несчастный замдиректора ГЦОЛИФКа по заочному обучению — из-за «недопонимания задач и развала работы» — вылетел как пробка с насиженного места, вместе со своей дурой-секретаршей...

С таким вот долгим эхом оказался фальшивый перстенек, при котором и похоронили дядю Федю.

Жаль, конечно, искренне жаль, что сам Клубника — рядовой процессник. Как был он чистым процессником, так им и остался. Любил Клубника карты коцаные мусолить, кием по-дурному шмальцевать да кости намагниченные раскатывать — а деньги для него были только средством, только поводом для жульничества, а главное, для самой игры! Короче, пофигу были Клубнике все бабки!

Только катку любил Клубника, и в катке всю жизнь свою прожил, и великий дар постановщика пропал в нем зазря. А ведь мог бы стать Клубника крутым постановщиком — самому Налиму делать нечего было бы.

Но характер у Клубники оказался слабоват.

* * *

Лет десять ходишь в шаровню, а потом... глядь, уже двадцать годочков пролетело, и все тебя знают как облупленного, а кликухи у тебя нет

как нет. Значит, не заслужил ты заметного имени, примелькался унылым своим хождением и играющие люди перестали тебя замечать.

Пупку же подфартило.

Даже долги его между собой все еще разыгрывают, хотя с очень большой неохотой такой спорный куш на кон принимается. Спрос всегда такой:

— Бабки Пупка играть будешь?

А ответ обычный:

— Что толку? Пупок и мне должен. Шлепанцы его рваные давай разыграем, если в карманах пусто.

Непонятка вышла, и за давностью всех сводок ничего уже проверить нельзя. Каким образом устоявшееся погоняло вдруг стало с прибавкой и откуда эта прибавка взялась? Сказывают, что однажды, как только открылась бильярдная, на маленьком столе Витя свелся с Пупком и дал ему шар форы. Не раз, не два и при всех зарекался Витя, что играть с этим именитым скандалистом с заграбастыми руками никогда больше не будет! Однако в тот день другого партнера в шаровне не оказалось. Не с Лазиком же маркером сводиться, у которого можно выиграть только геморрой?

Вот Витя и решил про себя, вставая к столу: «В последний раз с Пупком сыграю!», и тут же начались пакости.

Бильярдная постепенно заполнялась, и все видели, что автор знаменитой «Красной казармы», лауреат с пре-ми-я-ми, нарочно мешает Вите бить по шарам. Стоит у него за спиной, перед каждым ударом дышит в затылок и что-то нечленораздельное бормочет себе под нос. Перед самым Витиным ударом Пупок кий свой уронит, вроде случайно, а потом ещё разика два по полу ногой покатает и только потом кий поднимет. А как очередь самого Пупка бить по шару, он всякий раз перед ударом кляuzu подвесит, что Витя слишком пристально на него смотрит и взглядом мешает! Мелкие гнусности — вот что больше всего увлекает Пупка в бильярде.

Витя отвернется, зубы стиснет, молчит изо всех сил и снова про себя клянется, что рядом стоять с этим сквальжником не будет, не то что с ним играть. Бедный Витя никогда не принимал негодяев всерьез...

Биток меж тем выкатился на середину стола, и, чтобы нанести очередной удар, Витя помелил наклейку, положил мелок на борт, прилег на стол и, одной ногой, согласно правилам бильярда, продолжая касаться пола, стал тянуться и целиться одновременно. Пупок же с показным вниманием стал следить, не отрывает ли Витя опорную ногу от паркета.

Витя ударил — не забил, очень неудобно было целиться! Встал на обе ноги и хотел было помелить наклейку перед следующим ударом.

Мелок с борта исчез!

Витя охлопал карманы — ничего! Похоже, пока он тянулся за свояком, этот негодник ловко сбросил кусочек мела в урну или сунул куда-нибудь, чтобы сбить партнера с игры.

— Где мой мел?— спросил Витя.

— Стибрили не украли, могут вернуть, — с издевкой ответил Пупок.

И тут случилось, чего ни в каких бильярдных никогда не бывало. Пупок начал прицеливаться, кием размахивать, а Маленький стол — весом в полторы тонны! — от Пупка отодвинулся.

Ножки стола на месте, а сам стол отъехал! Пупок сделал шаг следом, опять выцелил точку. А зеленый борт из-под Пупка — тю-тю! — снова ушел! Похоже, Маленькому столу невыносимо стало от того, что на его старом благородном сукне унижают партнера!

Все игроки, которые в тот день были в шаровне, подтверждали: бильярдный стол сам двигался в четвертом измерении! Никто к нему не прикасался!

Пупок, самоутверждаясь, стал орать на Витю:

— Ты против меня гадость замастырил! Ты колесики к ножкам присобачил!

Но в тот день в бильярдной творилось совершенно иное — Маленький стол наполнился неведомой силой и сам попытался прервать подлую, унижительную катку, которая на нем велась.

Витя отставил кий и, чтобы прогнать наваждение, принялся водить по сорочке двумя руками, а ладони долу стряхивать.

Пупок же опять стал целиться. И тут сотворилась мистерия: чем ниже Пупок к столу пригибался, тем расстояние между ним и бильярдным столом увеличивалось. Стол дистанцировался, отдалялся от вздорного игровишки!

Маленький стол генерировал расширение самого пространства!

Витя взял кресло маркера — сам-то Лазик, как только начинается сомнительная катка, сразу в буфет уходит, чтобы побереечь нервы. Маркёрское кресло Витя подтащил к деревянной обшивке, которая на полтора метра от пола покрывает все стены в бильярдной. Под обшивкой — остов. Сверху получилась полка-приступочка, шириной сантиметров тридцать, и так вдоль всех стен по всему залу.

Встав на кресло, Витя залез, вскарабкался на эту приступочку. Из штепселя, походя, вытащил вилку, тут же подпоясался электрическим шнуром от кондиционера, который вмурован и зацементирован в вентиляционный проем под самым потолком бильярдной. Встав на приступочку, Витя покрепче затянул шнур, а вилку продел сквозь, закрепив намотанное на поясе. Потом Витя встал на деревянный ящик, в котором ночью хранятся бильярдные шары, и поднял обе руки вверх градусов на 45. Задев туплей доску с нестертым подсчетом вчерашней фишечной игры и с текущими записями, Витя наступил на край полки с круглыми отверстиями для забитых шаров — в той партии еще ни одного шара забито не было. Полка чуть прогнулась, но не сломалась и даже не треснула. Едва Витя перенес вторую ногу на бильярдную полку, как он тут же стал падать в пустоту, на мгновение повис в воздухе и вдруг воспарил над Маленьким столом!

В шаровне все обалдели! Даже Пупок бросил подлянку исполнять и только диву давался. Бильярдисты сразу сообразили: творится что-то неладное, рванули в кладовку, что под лестницей, притащили оттуда стремянку, кто-то встал на маркёрское кресло. Все вместе дотянулись до парящего Вити, подхватили его, размотали с пояса электрошнур и бережно поставили к Маленькому столу. Витя опустил руки, взял кий, и катка продолжилась. Партнеры повеселее стали бить по шарам, чтобы заиграть случившееся.

Часика через два Пупок окончательно продулся, никакие ухищрения не помогли. Грошовый свой кушик платить он, конечно, не стал: проигранные денежки, как повелось, Пупок приплюсовал к своему старому долгу. Хотя твердо было оговорено, что сегодняшняя игра идет только на налик — на живые деньги! Витя свой куш даже в лузу положил, чтобы Пупку стыдно было не заплатить. А Пупок даже за время — маркёрские копейки! — зажил, получая удовольствие от собственной нечестности, подлянки и безнаказанности.

Витины же бабки Пупок из лузы вытащил, демонстративно пересчитал — перепроверил, сколько там лежит, чтобы со своим новым долгом точно определиться и тут же кляuzu привесить, если Витя обсчитался. Морща лоб, Пупок в уме перемножил начальный куш на количество проигранных им партий.

Витя непременно и каждый раз — цифрами, а не черточками или штрихами! — записывал все выигранные им партии на фишечной доске.

Витины деньги Пупок положил обратно в лузу и громогласно, с издевкой, на всю шаровню объявил сумму своего нового долга.

Стыдно Пупку не бывает. Хлопнул он дверью и ушел.

Витя вслед его и припечатал:

— Наш Пупок совсем ку-ку!

И новое погоняло тут же приклеилось, прилипло, и с того денька-мгновения стал человек — на всю играющую Москву! — Ку-ку Пупком.

Потом уже, перед самым закрытием, кто-то, кажется тот же Мишутка, спросил у Вити:

— Зачем ты сегодня воспарил над бильярдной?

— Чтобы оказать уважение Маленькому столу, — объяснил Витя.

* * *

— Как там Англия, в проливе еще не утонула?

— Плавучая больно, не скоро еще она потопнет, — пробурчал в ответ Устрица.

— Лохов британских всех обчистили? — поинтересовался Край у старого приятеля, который, наблюдая за шаровней, обедал с пивком. При бильярдной недавно открыли небольшой ресторанчик, теперь и в гастроном бегать не надо.

Устрица вместе с Кутиком — лучшие наши бильярдисты — со своими киями месяц назад поехали в Англию. Играющие люди только об этом и говорили.

— Интерес там у них появился — и к нам, и к нашему бильярду. Присядь, горло промочи, — пригласил Устрица, чуть выдвинул стул и налил больше полстакана.

— Спасибо. На работе не пью, — ответил Край, но рядом присел. — Тридцать лет не прошло, а ты уже из рядовых маркеров выбился в международные гастролеры...

— И не говори, из молодых да в ранние...

— *«И Темзы желтая вода...»* — она там действительно желтая?

— На Темзу глянуть некогда было. Лучше б я туда вообще не ездил! До чего мы докатились!

— Докатались, — улыбнулся Край.

— Вон, погляди: из десяти столов боевая игра идет только на одном, — сказал Устрица с укоризной.

— Все как обычно. А у них там по-другому, что ли?

— Нам с Кутиком — каждому! — по 2 тысячи фунтов сразу выдали, только за прилёт! И гостиницу оплатили. Ну, мы прикинули: бабок, похоже, у них навалом. Сейчас, думаем, мало им не покажется — вывернем у них все карманы наизнанку! Пришли в шаровню — первым делом, с переводчиком, нам правила объяснили. Ну, мы вроде сообразили, что там к чему. Снукер-пукер, какая разница, лишь бы свестись, — всех обкатаем! Встал я к столу, а у них шары маленькие, под стать нашему Маслову (бильярдист, который лучше всех играл на маленьких шарах). На отыгрыше разок я лажанулся — партнер тут же полпирамиды смёл. Хотя там забивать надо через раз — красный-цветной, красный-цветной. На такой случай у меня пачка «Беломора» припасена была. Прикурил я, дыхнул ему в буржуйскую рожу, а тому игрочишке все нипочем — и второй партии как не бывало. На Кутика глянул, он через стол от меня играл — и ему ни одного удара по лузе не дают сделать. Короче, за месяц я там ни одной партии не выиграл. Пару красных шаров забью и все...

— Быть такого не может! У них же там лузы вроде широкие?

— Один-единственный раз — четыре шара, красный-цветной подряд забил, так меня с понтом все поздравлять стали. Стыдоба! Никто из нас ни один «фрейм» — как они там говорят — никогда не выиграет!

Ты глянь на наши столы — все исполнители все время бьют приблизительно по шарам. Настоящих ударов — один из десяти. Одни левые удары, и только для того, чтобы убедить партнера, что они свелись подходяще, что у них равная по силе игра!

— Ясное дело — сводку-то нельзя терять.

— А там один неточный удар, и все — сливай воду, проиграл партию. Никого влевую не сплавляют, все играют по чесноку. Как они там живут — я до сих пор не въехал. Лохов никто не подтягивает!

— Быть такого не может! А свои кии вам в Англии пригодились? — поинтересовался Край.

— Мой кий почти в два раза тяжелее их киев. Шары там легкие, нашим здоровенным кием бить по снукерным шарам — все равно как ракеткой для большого тенниса играть в пинг-понг.

— Что же тогда они в своей шаровне исполняют? Все время на полную катушку жарят?! Быть такого не может!

— В том-то и дело! Я вот смотрю сейчас и думаю. К нам Петр триста лет назад привез эти столы из Голландии...

— Кто привез? — не понял Край.

— Ну, Петр, император наш. И здесь, и там, и в трактирах, и в салонах были одни и те же, совершенно одинаковые бильярдные столы. Но с тех пор из-за нашей левой катки, чтобы нам сподручнее было фраеров обыгрывать, форма наших столов стала другой. Столы у нас стали такими, какие они сейчас есть: шары большие, а лузы узкие.

— И что же в этом плохого?

— Играющий человек в такую узкую лузу, когда ему нужно, шар забьет. А фраеру подкатит шар к самой лузе, чтобы и тот иногда тоже забивал шарик-другой. И фраер действительно забивает шар в лузу, но только когда ему позволяют это сделать. Обман был и остался единственным способом кормиться за счет бильярда. Жучок-исполнитель управляет партнером, а главная его цель — втянуть человека в долгую игру, чтобы тот не соскочил. И потом еще пару-тройку лет оставался на коротком поводке и кормил всю шаровню. А когда фраер сообразит, в чем тут дело, он уже прикипел к игре, сам стал исполнителем и освоил все наши приемчики...

— Ясное дело. На этом нехитром фокусе мы с тобой всю жизнь прожили, — подтвердил Край.

— Но игра пропала! Игры нет! За отсутствие настоящей боевой катки Бог накажет! — сказал Устрица.

— В английской шаровне еще и Бог появился? — усмехнулся Край.

— Телевидение и есть тамошний бог. Глядеть на бесконечное подтягивание лохов никому не интересно. Особенно — с экрана! Я сейчас глянул на нашу катку свежими глазами. Нам с тобой сразу ясно, что происходит на каждом столе. Мы с интересом следим за происходящим, но не как за боевой игрой в бильярд, а как за жульническим мероприятием. Кто у дверей новенького поймал, кто удачней свелся, кто кого запутал ну и так далее. Эти наши мелкие аферы с экрана не видны, непонятны, а главное — не интересны! Телезрители смотрят только на то, что их увлекает! Только игра, только настоящее, честное соперничество вызывает интерес! — воскликнул Устрица с некоторым надрывом.

— Ну и ладно. Без телезрителей мы обходились и дальше как-нибудь обойдемся. Кому надо, за нами и так поглядывал. Англия тебя, похоже,

проняла. Забудь ты о ней! Вернулся домой и катай в нашу по маленькой, — успокоил Край старого приятеля.

Устрица, с редкой для него горечью, продолжил:

— За эти триста лет жульничества наш бильярд просел изнутри! Нет игрового сюжета... Азиаты — а их миллиарды! — во всех своих странах на снукерные турниры мазы ставят! А у нас пара-другая долистов-мазильщиков как сидели у стола, так вон и сидят! Телевидение, конечно, не бог — это дьявол... Точно — дьявол! Ты сам скоро все поймешь, и все въедут, да только поздно будет. Уже поздно... На нашем бильярдном столе можно нарочно проиграть, нарочно выиграть — никто не предъявит претензий. Но чтобы иметь постоянную копейку, надо знать, на кого Налим в своем гардеробе поставил бабки, кого он назначил победителем, кому велел выиграть, а кому велел слить партию...

— Вот тут ты прав стопро! Будь поближе к тому, кто катку устраивает, и всегда будешь в плюсе! Хочешь жить припеваючи — работай за верную долишку! Это мы еще в Академии проходили, — заулыбался Край.

— Мы с Кутиком тридцать лет в одной бильярдной просидели, теперь и в Англии вдвоем побывали. А друг против друга — за всю жизнь! — ни одной партии так и не сыграли! Ни одной — за все годы! Потому что в нашем деле сама игра имеет второстепенное значение. Смотреть на честную игру на наших бильярдных столах — безо всякой внутренней подянки — даже для нас с тобой скучно! Помню, как-то раз у девятого стола мне сам Кургузый сказал: «Мечтаю, говорит, посмотреть на боевую игру Левитина с Кутиком. Я бы сам им, — говорит, — за одну только честную партию! денег бы дал. Все хочу понять, кто же из них сильнее играет в бильярд. Но они между собой не сводятся, а всё только Леньку Рыжего грузят». Так и не дождался Кургузый ни одной боевой катки. Да и мы с тобой уже не дождемся... Всю жизнь я об этом думал и только в Англии вдруг понял, в чем дело. В гостиницу вернулся, телик включил, опять на этот проклятый снукер смотрю, и вдруг пробило... Весь день у столов провел и опять на экран гляжу не отрываясь. Потому что у них в игре есть чистый интерес! Игра, только настоящая игра без подянки, захватывает и притягивает зрителей даже через телеэкраны!

— Говорят, скоро и в нашей шаровне поставят снукерный стол. Попробуем, может, и у нас получится.

— Один стол... Да и у него лузы быстренько сузятся от нашей катки... — понурился Устрица.

Край посмотрел в сизый простор бильярдной, сухие щелчки ударов позвали его в игру.

— Ладно, спасибо тебе и за пиво, и за объяснение! Сведусь с кем-нибудь, — Край пошел к столам.

Больше они не виделись.

Поехал Устрица в Ярославль к Левитину, и там запил и допился до белочки. На скорой повезли каталу на промывку. Как пришел в себя

Устрица, так и вырвал из своих вен все патрубки и сказал в последнем озарении: эта койка скоро другому понадобится. Не захотел больше великий бильярдист жить своим ремеслом. И действительно, скоро на его койку с теплым еще бельем какого-то парня привезли с заточкой в животе.

В Москву перевозить Устрицу не стали — там он и лежит, в ярославской земле.

* * *

Академия, островок свободы! Снаружи хомутают кого ни попадя, чуть что — за пищик и к хозяину — совок-совком. А внутри шаровни красота — хочешь кием размахивай, хочешь мазы ставь или анекдоты трави. Только с кушами поосторожней — не свети капусту, а прямо из ладони в горсть перекладывай.

Рожи у всех нас довольные, сытые, лоснятся — смотреть приятно. У исполнителей от дармовых бабок карманы лопаются, вокруг и долисты, и мазильщики, и подпольные умельцы на продажу бильярдных снастей вон сколько заготовили, все по шкафам в конторке припрятано.

Особенным спросом пользуются кии по чемодановским лекалам и наклейки, сделанные из старых ботиночных каблуков, — влет уходят! Такую самопальную наклейку школьным мелом чуть потрешь, и при правильном ударе биток вертится — глазам смотреть больно!

Визитеру из того же Ростова продаст Налим бильярдный товарец косяря на два и опять в конторке запрется, пишет. Конечно, не стихи, а оперу: кто и откуда за прошедшую неделю откинулся, кто в Академии засветился. Какие разговоры и от кого он сам слышал, что люди ему рассказали — и так каждую пятницу.

Кутик же, когда партнеров долго нет в бильярдной, в дальнем углу — и опять в закутке! — огородившись листом фанеры, стирь затесывает, безопасной бритвой орудует тщательно и не спеша. Готовенькие игральные карточные колоды запикивает обратно в картонные упаковки, аккуратно заклеивает, да и на будущий фарт чуть-чуть всегда приплюнет.

Какому-нибудь старому знакомому на день рождения или просто хорошо одетому человеку на доброе здоровье — затесанные эти стирь подарит. Жизнь — штука долгая, и подходящий случай всегда отыщется. Кутик теперь секретарь самого Кургуза, в литературных кругах в доску свой. И втихаря — спасибо высокой поэзии! — десяток-другой своих краплёных карточных колод Кутик уже презентовал, в знак глубокого уважения, ЦДЛовским завсегдатаям. И настанет, придет еще славный вечерок с кем-нибудь из сочинителей или из тех же писательских сынков в коцаные эти стирь перекинуться. Одна такая дружеская встреча все труды Кутика разом окупит! Знающие люди за этими стирями со всех сторон в Академию приезжают. А потом всего делов-то — соседа к съе-

му приучить. Тут особый съём нужно освоить, чтобы фраерок сам себе сдал губительный расклад.

Такими краплёными картами и квартирку, и гараж во дворе — за одну только сдачу с удвоением! — выкатать легче, чем потом получить. Схавал-схавал! Шито-крыто! Только когда уходишь после катки, не забудь эту колоду от Кутика захватить с собой, а то вдруг фраерок надумает проверить эти стирки у людей.

Даже бомбил — на живых еще «копейках»! — убирала такой же приемо-сдачей прямо на дороге. В случае базара сразу пугают попавшего в силки бордюрика: давай, мол, поедем с тобой в Академию, спросим там, кто прав.

В таком случае надо сразу соглашаться — как же, как же! Я и сам после работы собирался туда заехать, отдохнуть, покатать малость. Погнали напрямиком, мне без разницы!

Аферюги сразу поймут, что плохо сработали, вылезут из твоей тачки и другого бомбилу начнут выщеливать. Только скажет такой горе-кидала тебе на прощание:

— Не зря мне твое лицо знакомым показалось. Видел я тебя издали в Академии, сразу не признал...

* * *

Аккурат перед Новым годом Край повстречал в фойе Инкассатора. Да, того самого, который с коричневым портфелем из самой что ни на есть натуральной кожи, и всегда с башлями, скромно так и чуть ли не бочком когда-то входил в нашу литературную бильярдную. И тут — по такому случаю! — решили приятели выпить по бокальчику вина в Цветном буфете, но охранник их в дверь не пустил, отогнал подальше.

— Раньше к барной стойке только писателя при членском билете пускали, а теперь только читателя при башлях, да и то не всякого... Ладно. Достаточно мы там поваландались. Ты-то как в очаге культуры оказался?

— В музее-квартире Алексея Толстого через час поэтический вечер начинается. Давай тут посидим пару минут — кресла-то еще вот они...

Присели. Инкассатор — парень башковитый, все насквозь видит и всегда по жизни подскажет — если кто, конечно, спросит. Никогда лажу не посоветует, давай, скажет, крашивай с обеих рук.

Край же по-прежнему норовит старого приятеля поддеть:

— Все хотел тебя, Инкассатор ты наш, от души поблагодарить. Низкий поклон! Ты один в трудную минуту всегда подогревал нашу шаровню. Спасибо ото всех! А теперь кормилицу нашу закрыли навсегда...

— За что спасибо? За счастливое детство? — Инкассатор, похоже, въезжал не во все дела.

Тут Край напоследок решил раскрыть ему глаза:

— Вот ты в бильярдную пришел душу отвести, а там крик стоит на весь полуподвал. Мишутка с тем же Ку-ку Пупком спорят: было касание

по шару или нет. Бык пальцем на какую-то точку указывает и прохаживается матерком в обе стороны — так, на всякий случай. Все киями машут, по мордасам друг другу чуть не заезжают...

— Привычная, такая милая сердцу картина, слезы на глаза наворачиваются, — улыбнулся Инкассатор.

— А ты сел возле зеленого стола и вроде со стороны наблюдаешь, — не унимается Край. — На самом-то деле ни у кого в карманах нет ни копейки, чай в буфете не на что попить! И весь этот беспонтовый концерт — исключительно в твою честь! Чтобы ты из кармана достал деньги и поставил на кон, чтобы ты в долю хоть к кому-то пошел! Твои денежки и есть для всей шаровни последний на сегодня шанс разжиться на закуску. В карманах пусто, а бутерброд съесть хочется.

— Так уж ничего? И ни копейки ни у кого нет? — усомнился Инкассатор.

— Да. Случались, бывали и такие деньки. Как только ты вошел, все сразу приободрились, зашумели, чтобы тебя хоть с какого бока зацепить. Все ждут — на кого ты свою мазишку поставишь и шаровню подогреешь. И вот наконец дождался — ты спросил: «А по сколько, ребята, вы тут играете? По 50 рублей? Ну ладно, я иду десяткой Мишутке в долю», — и кивнул: мол, пошла маза. И тут — исключительно ради этой твоей десятки — бильярдную партеичку исполняют в самом лучшем виде. Доиграют до последнего шара или до предпоследнего, а то последний шар иногда случайно сам подкатывается. И Мишутка, кому ты в долю пошел, красиво, с показательным возмущением и досадой — не придерешься, но очень скоро проигрывает.

— Быть такого не может! Неужели все эти годы вы меня за нос водили?! — изумился Инкассатор задним числом.

— Коронный этот номер называется *«мы пилили не спеша полкуша от полкуша»*. На кого ты деньги ставишь — тот всегда проигрывает. Эту старую уловку скармливают сейчас по всем сайтам-каналам, только крутится она в новом декоре. Отдал ты проигранную мазу, отвернулся, а играющие люди вышли горло промочить, разменяли твою десятку в буфете и раздербанили.

— Все так, да не так! Бог с ними, с этими кушами. *«Ведь мы играли не из денег, а чтобы вечность провести...»* Так вроде Пушкин сказал. Вот мы и провели в бильярдной всю нашу недолгую вечность...

2021 г.

ИГРОВОЙ СЛОВАРЬ

«Грошовый засад» — проигрыш небольшой.

«Выкатанных бабок» — выигранных денег.

«Привез из Тынды», «привет из Тынды» — тулупы продавались только в «Первой зоне снабжения», куда входил БАМ.

«*Налик не светить*» — не отдавать наличные деньги открыто.

«*Не у пронькиных*» — не заплатить нельзя, обманывать не следует (Чума не из тех, кому можно не отдавать или «замотать» проигранные деньги, он — свой в бильярдной).

«*В долевой мазе, по понятию, можно выделиться*» — ставка в процентах от куша — по сказанному до игры, на доверии.

«*По понятию*» — так принято считать между игроками — завсегдагатаями бильярдной.

«*Выделился*» — прекратил мазу — для этого надо сказать: «дальше не иду».

«*В долишку двадцать копеек*» — двадцать процентов от ставки.

«*Я сам за пятьдесят играю*» — 50% выигранных денег игрок должен отдать постановщику.

«*Долист*» — идущий в долю к фраеру — обычно 10%, с тем чтобы фраер поверил в себя и свелся с жучком. Долист работает при жучке, который эти деньги возвращает долисту, но уже после получения выигрыша. Еще 10% исполнитель дает долисту за то, что долист помог жучку втянуть фраера в игру, — так сказать, за работу.

«*Постановщик*» — главный в бильярдной, который в курсе всех игр, ведет всю стратегию в бильярдной, контролирует жучков, придумывает новые аферы.

«*Пятихатник*» — 500 рублей — примерно в 3 раза больше обычной месячной зарплаты.

«*В первом же пропуле*» — «*пропуль*» — нарочно проигранная первая ставка с целью втравить партнера в

«*дармовую*» игру — игру с большим преимуществом одного из игроков.

«*Попал прямо с мороза и за всю масть*» — «*попал за всю масть*» — полностью проигрался.

«*Клатитос*» — бильярдный удар без винта.

«*Биток*», «*свой шар*», «*свояк*» — шар, по которому наносится удар.

«*Получишь оборотку*» — с тобой поступи так же, как ты сейчас поступи со мной.

«*По три кати*» — «*катя*» — 100 рублей.

«*Соскочил*» — выделился из мазы, перестал идти в долю.

«*С кулака даром раскручусь*» — выиграю, не имея денег даже на первый куш.

«*Замутить поганку*», «*замесить поганку*» — устроить аферу.

«*Грузит лоха*» — играет с фраером, который думает, что он имеет преимущество.

«*Поляну сечет*» — следит за тем, где и какая игра идет во всей бильярдной.

«*Левую скатают*» — бильярдист понарошку проиграет эту партию другому бильярдисту.

«*Косарь*», «*штукарик*», «*штука*» — 1000 рублей.

«Засаживает и попадает» — проигрывает.

«Игра пойдет по бою», «игра по бою» — честная игра.

«Мазильщик» — ставящий мазу на кого-либо из игроков.

«Исполнитель», «жучок» — профессиональный бильярдист.

«Зашмальцевал», «шмальцуй» — размахивать кием перед ударом по шару.

«Сводка» — обговоренная и определенная долгими играми фора, уравнивающая шансы игроков.

«Махровая подлянка» — скрытая афера.

«Готовили под слив» — создали ситуацию, когда все мазильщики ставят деньги на одного игрока, а гарантированно выигрывает другой — обычная работа постановщика.

«Слон дает десять и пять со стола» — игра идет в классическую пирамиду. Два креста — каждый крест прибавляет пять очков тому, кто получает фору, и отнимает пять очков у дающего.

«Пять со стола» — шары с номерами 2 и 3 сразу ставятся на полку тому, кто получает фору.

«Дальше идешь?» — продолжим с тобой мазать на тех же условиях?

«Руку боюсь испортить» — боится потерять удачу, фарт, играя по мелочи.

«Со стороны отвечает» — ставит мазы с мазильщиками, но не увеличивает куш с партнером, с тем игроком, с которым играет.

«Кто чирик, кто пятерку, а кто и целый четвертак» — «чирик» — десять рублей, «четвертак» — 25 рублей.

«Вагон апельсинов налево списывать» — на продуктовой базе содержимое вагона — в данном случае апельсины — оформляется как товар, испорченный и потерявший при транспортировке товарный вид. В дальнейшем списанные апельсины отдаются на продажу «своим» лотошникам за наличные деньги.

«Или хотя бы дурак» — случайно упавший шар.

«Схавал-схавал» — опротестовать какое-либо жульничество можно только в момент игры — краплёные карты, намагниченные кости, подмену мелка и пр. После расчета все считается уже «заигранным» и никакие претензии не принимаются.

«От постоянного просада лошина только умнеет» — от проигрыша фраер умнеет.

«Грузили всю ночь одного чмыря по срокам» — играющий человек поплыл, и его «грузят», играют с ним в долг, на расписки, на будущие числа и месяцы. К переставшему контролировать ситуацию игроку — отношение совершенно беспощадное.

«Чмырь поплывший» — игрок, который бесконтрольно проигрывает и всю ночь пишет расписки или играет на слово — на отдачу долгов в будущем.

«Росказни тут не канают» — объяснения не действуют.

«Лауреат с пре-ми-я-ми» — клиент, подхвативший сразу несколько венерических болезней от одного контакта с проституткой.

«В предбаннике на вертушке сидел» — дежурил в особой комнате на правительственной спецсвязи.

«Вызовут в Инстанцию на ковер» — в Центральный Комитет КПСС: в Отдел пропаганды и агитации, который курировал и весь спорт.

«Стиры» — игральные карты.

«Коцка» — шулерский крап карточной колоды.

«У людей спросим», «проверить у людей» — спросить профессиональных игроков.

«Бомбила, бомбист» — таксист на собственных «Жигулях» без лицензии.

«Бордюрищик» — бомбила, подбирающий случайных пассажиров у бордюров, но не имеющий постоянного доступа к стоянкам такси у вокзалов и аэропортов. Стать «вокзальщиком», «вокзальным» — мечта любого «бордюрика».

«В случае базара» — в случае конфликтной ситуации.

«Раздербанили» — поделили между участниками аферы.